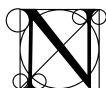

ДЖОАННА
ЛИНДСЕЙ

*Мой
мужчина*

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л59

Серия «Королева любовного романа»

Johanna Lindsey

A MAN TO CALL MY OWN

Перевод с английского *Е.С. Никитенко*

Художественное оформление *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
студия «*FOLD & SPINE*»

Печатается с разрешения издательства Atria Books, a division
of Simon&Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Линдсей, Джоанна.

Л59   Мой мужчина : [роман] / Джоанна Линдсей ; [пер.
с англ. Е.С. Никитенко]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 320 с. — (Королева любовного романа).

ISBN 978-5-17-101103-1

Сестры-близнецы Аманда и Мэриан Лейтон переезжают на
техасское ранчо тетушки, еще не подозревая, что там, на Западе,
они неожиданно станут соперницами — и вступят в настоящую
схватку за любовь веселого и смелого Чада Кинкейда. Кого же
из двух красавиц, похожих, как две половинки яблока, предпочтет
Кинкейд — обольстительную кокетку Аманду или тихую скромницу
Мэриан? Выбор будет непростым...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-101103-1

© Johanna Lindsey, 2003
© Перевод. Е.С. Никитенко, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Мортимера Лейтона хоронили рано утром, в городке Хейверхилл, штат Массачусетс, где он родился и прожил всю свою жизнь. Вообще говоря, городок был переименован в Хейверхилл только в 1870-м, а до этого назывался Пентакет, и тем не менее именно здесь прошла вся жизнь Мортимера Лейтона.

Его жена Рут покоилась на другом, более старом кладбище, где давно уже не осталось мест для захоронений. Она бы только порадовалась, если бы знала, что после смерти муж не окажется рядом с ней снова — она и при жизни не слишком любила его общество.

Медная табличка на памятнике гласила: «Здесь нашел вечное пристанище Мортимер Лейтон, любящий отец Аманды и Мэриан». Эпитафия была придумана Амандой, об этом можно было догадаться с первого взгляда: она была очень привязана к отцу, а тот, в свою очередь, обожал ее, щедро расточая дары, столь необходимые ребенку, чтобы знать, что он любим и желанен. Что касается Мэриан, она без колебаний вычеркнула бы слово «любящий».

Похороны были немногочисленными и удручающе унылыми, как любые похороны на свете, невзирая на разгар весны и на то, что земля вокруг свежей могилы была вся в цветах. Кроме дочерей покойного, пастора и деловых партнеров, явилась только горстка слуг.

Все шло на удивление чинно. Никто ни разу не прервал заупокойную молитву ни горькими рыданиями, ни

даже громким всхлипыванием — не то что на похоронах Рут, когда Мэриан, забыв приличия, разрыдалась взахлеб (смерть матери означала для нее утрату единственного близкого человека). В этот день рыдать следовало бы Аманде, которая была любимицей отца с первого дня ее жизни. Однако с тех пор как сестры узнали, что их отец погиб, упав под поезд, когда переходил из одного вагона в другой, на обратном пути из Чикаго, куда ездил по делам, Аманда не проронила ни единой слезинки.

Прислуга перешептывалась, что молодая хозяйка, должно быть, в глубоком шоке. Мэриан могла бы согласиться с этим, вот только Аманда и не думала отрицать тот факт, что отца больше нет. Она говорила об этом спокойно, как о незначительном повседневном событии. Если это и был шок, то неизвестный науке, а скорее всего дело было в том, что Аманда интересовалась только собой и тем, как изменится ее жизнь. Вот и теперь ее больше интересовали последствия отцовской смерти, чем сам ее факт.

Это была достойная дочь своего отца. Мортимер был способен на одну-единственную любовь, и любовью этой стала Аманда. Мэриан поняла это в очень раннем возрасте и постепенно утратила всякую надежду на перемены. Никогда, ни единым словом или взглядом отец не дал понять, что такие перемены возможны.

Мортимер Лейтон не любил свою жену. Это был брак по расчету, союз двух людей, у которых был общий очаг, общая крыша над головой и кое-какие общие интересы. Но не любовь. Они уживались — и только. Родители отца умерли еще до рождения Мэриан, и она понятия не имела, был ли он к ним хоть сколько-нибудь привязан, а тетку едва помнила. Отец никогда не упоминал о ней и, как видно, не интересовался тем, что случилось с его единственной сестрой. Но Аманду он обожал, и в этом невозможно было усомниться. С самого ее рождения он носился с ней и баловал как только возможно. Из двоих дочерей он, казалось, видел только одну. Не то чтобы он

пренебрегал нуждами Мэриан — вовсе нет. Как и Аманда, она ни в чем не знала недостатка. Все делилось поровну. Все, кроме любви и тепла.

Зная, как больно это ранит чувства Мэриан, Рут пыталась сгладить очевидное неравенство в обращении Мортимера с дочерьми. Отчасти это удавалось за счет того, что, любя обеих девочек, она уделяла Мэриан чуть больше внимания. К сожалению, это не укрылось от ревнивых глаз Аманды, которая предпочла бы присвоить всю родительскую любовь до последней капли. Между сестрами возникла брешь и ширилась до тех пор, пока не стала незаполнимой. Да ее и нечем было заполнить — сестры в буквальном смысле ненавидели друг друга.

Разумеется, детская ревность не длится вечно. С годами она уходит в прошлое, проступки бывают прощены, а обиды забыты. Но если ребенка балуют и дальше, если портят его сверх всякой меры, он так никогда и не перерастет детские недостатки. Из Аманды Лейтон сформировалась личность, мягко выражаясь, неприятная.

Аманда привыкла обижать людей. Это было для нее столь же естественно, как дыхание. Она просто не могла понять, что чувства есть не только у нее самой, но и у других, и что эти чувства можно задеть. Ей в голову не приходило извиниться, за нее это делала Мэриан — и вовсе не потому, что чувствовала себя ответственной за поступки сестры, просто не могла иначе. Так было в детстве, так осталось в юности.

Ни у одной из сестер не было подруг. У Аманды — потому, что она в них не нуждалась (ей вполне хватало отца, заменившего ей всех друзей на свете). Мэриан всегда мечтала о подруге, но рано отказалась от попыток с кем-то сблизиться, потому что сестра обращала других девочек в бегство, доводя их до слез. Кончилось тем, что дети стали сторониться Мэриан, как зачумленной, из страха стать мишенью злобных нападок Аманды.

Время шло, сестры выросли. Когда обе вступили в подходящий для замужества возраст, в дом Лейтонов

зачастили поклонники, отчасти привлеченные размерами состояния Мортимера, отчасти внешностью Аманды, которая слыла одной из красивейших невест города. Она и не думала отвергать ухаживания, потому что от лести расцветала, как роза. Само собой, лесть принималась не от каждого. Если поклонник казался Аманде недостойным внимания, она унижала и оскорбляла его до тех пор, пока не отваживала от дома. Мало-помалу вокруг нее образовался кружок постоянных воздыхателей. Целый год она позволяла им яростно соперничать, никому не выказывая предпочтения, но и не охлаждая ничьего пыла. Она выжидала, чтобы решить, за кого из них она бы хотела выйти замуж.

Мэриан отчаянно желала, чтобы сестра поскорее сделала выбор и уехала — куда угодно, лишь бы подальше. Тогда и ей, быть может, выпал бы шанс устроить свою жизнь. Но пока оставалось держаться в тени, зная, что малейший знак внимания к ней дорого обойдется мужчине. Никто не смел пренебрегать Амандой ради Мэриан. Такое случалось дважды, и она хорошо усвоила тот урок. Ей больше не хотелось быть свидетельницей того, как Аманда оскорбляет молодого человека только за то, что он уделяет внимание Мэриан.

Однако чтобы держаться в тени, приходилось как следует потрудиться. Как все близнецы, Мэриан и Аманда были поразительно похожи. Замаскировать это опасное сходство помогали унылые платья без единой оборки или ленточки и тугой узел волос на затылке, вполне способный изуродовать даже дряхлую старушку, не то что девушку восемнадцати лет. Но основным средством превращения в кикимору были очки — не просто очки, а чудовищное приспособление из толстых линз в квадратной оправе. В таких очках глаза казались круглыми и выпуклыми, как у стрекозы, что производило странное и отталкивающее впечатление.

Сестры сидели в отцовском кабинете, слушая, как его поверенный читает завещание.

Аманда выглядела кокетливо даже в глубоком трауре. Ее черное платье с богатой отделкой из стекляруса и кружев было образчиком стиля (другого она не наде-ла бы даже под страхом смерти) и подчеркивало фигуру лучше иного бального. Единственным, в чем Аманда по-шла на некоторую уступку обстоятельствам, была прическа: из нее выбивалось меньше своенравных золотистых завитков.

Мэриан, наоборот, в черном казалась даже невзрач-нее обычного. Простое платье совершенно скрадывало фигуру, беспощадно стянутые в узел волосы создавали странный эффект, словно все лицо состоит из одних оч-ков. Если Аманда в трауре напоминала бабочку, то Мэ-риан — разве что мошку, и она на собственном опыте испытала, как нелегко приходится мошкам, пока бабоч-ки порхают.

Кабинет казался совсем незнакомым помещением, хотя изменилась в нем только одна деталь: за столом си-дел теперь отцовский поверенный и душеприказчик Аль-берт Бриджес. За долгие годы знакомства он стал поч-ти что членом семьи и нередко оставался на ужин после обсуждения с Мортимером сложных деловых вопросов. Сестер он давно уже называл по именам, но в этот день обращался к каждой сугубо официально: «мисс Лейтон». Было заметно, что новая роль стесняет его.

Поначалу завещание не принесло никаких сюрпризов. Каждому из домашних слуг причиталось по небольшой денежной сумме, но все остальное имущество предстоя-ло унаследовать Аманде и Мэриан, строго поровну. Отец и тут остался верен себе: он мог обделить любовью, но никак не материальными ценностями. Состояние заклю-чалось в целом ряде предприятий, крупной недвижимо-сти (как в городе, так и в других частях страны) и банков-

ском счете таких размеров, которые не могли и присниться наследницам. Впрочем, как раз в этом не было ничего удивительного. Сюрприз последовал к концу чтения.

— И наконец, — провозгласил Альберт, судорожным движением ослабив крахмальный ворот рубашки, — условие вступления в права наследства. Желая быть уверенным, что ни одна из его дочерей не попадет на удочку охотника за богатым приданым, Мортимер включил в завещание следующий пункт: вы получите наследство только после вступления в брак, а до той поры будете находиться под опекой его сестры, миссис Данн.

Мэриан покосилась на Аманду, но та лишь молча хмурилась, очевидно пытаясь осмыслить услышанное. Хорошо зная сестру, она приготовилась к бурной реакции, как и Альберт Бриджес, не сводивший с Аманды настороженного взгляда.

— Вам понятно то, что я сейчас изложил? — спросил он наконец.

— Вполне, — заверила Мэриан с улыбкой. — Полагаю, тетя Кэтлин не загорится желанием перевернуть свою жизнь с ног на голову только потому, что умер брат. Значит, нам придется к ней перебраться. Ведь верно?

— Верно. — Добряк Альберт не удержался от облегченного вздоха. — Знаю, знаю, это немного пугает. Не так-то просто отправиться в дальние края и оставить все, к чему привык. Но тут уж ничего не поделаешь.

— Лично я несколько не возражаю. В этом городе меня ничто не держит, поэтому... — начала Мэриан, и тут разразилась гроза.

Аманда вскочила так резко, что прическа дрогнула и на грудь свесилось сразу несколько длинных белокурых прядей. Яркие губы сжались в тонкую упрямую линию, глаза от возмущения засверкали, как сапфиры под лампой ювелира.

— Я не желаю даже обсуждать отъезд! Эта наша тетка наверняка живет в захолустье, в глуши, в забитой досками дыре! Не хватало еще тащиться на другой край земли!

— На другой край страны, — поправила Мэриан.

— Какая разница, все равно это глухомань!!! Там кругом дикари!

— Дикарей уже укротили, насколько мне известно.

— Замолчи! Говорю тебе, больше ни слова! — Аманда испепелила ее взглядом. — Можешь отправляться туда хоть сейчас и гнить в этом диком Техасе, а я остаюсь и... и... и выхожу замуж!

Альберт пытался вставить слово, но тщетно. Разъяренная Аманда вылетела за дверь. Стряпчий сокрушенно развел руками:

— Она ведь не выйдет замуж вот так, с бухты-барухты?

— Нет, конечно. Это просто угроза.

— Слава Богу, не то останется без наследства. По закону об опекунских правах миссис Данн должна одобрить ваш выбор.

— Если хотите, я приведу Аманду. Она все еще в доме, иначе он содрогнулся бы от хлопка входной двери.

— Я сам за ней схожу. — Стряпчий снова тяжело вздохнул. — Надо же наконец закончить чтение!

Он поднялся с места, но не успел сделать и шагу, как в дверь промаршировала Аманда, таща за собой Карла Райана, поклонника, который пользовался у нее наименьшим успехом, но которого она терпела, потому что он слыл в городе хорошей партией. Больше всего на свете Аманде нравилось отбивать поклонников у других девиц на выданье — она расцветала от женской зависти не хуже, чем от мужской лести.

Утром Карл Райан сопровождал их на кладбище. Погруженная в размышления о будущем, Аманда не придавала значения тому, что из всех искателей ее руки только этот явился с соболезнованиями. Мэриан знала причину: дверь их дома была в этот день закрыта для визитеров. Кто-то позаботился о том, чтобы сестры могли скорбеть в покое, и кто бы это ни был, она была от души благодарна, поскольку не выносила пустых фраз. Знай об этом Аманда, она бы воспротивилась.

Что касается Карла, его спровадить не удалось. Он явился с дежурным визитом и о смерти Мортимера Лейтона узнал из первых рук. Вот как случилось, что он оказался вместе с родными и близкими на кладбище. По возвращении он выразил желание дожидаться Аманду в гостиной, полагая, что она будет нуждаться в утешении. Он ее мало знал. В утешении нуждались те, кто бывал свидетелем ее вспышек.

— Ну вот, все в порядке! — с торжеством объявила Аманда. — Мы с мистером Райаном только что обручились. Надеюсь, теперь вопрос отъезда отпадет сам собой. Мэриан, — добавила она ехидно, — а тебе я помогу уложить вещи.

— Вот как, вы обручились? — Альберт покачал головой. — В таком случае мистеру Райану придется выехать в Техас за одобрением вашей тетушки. В противном случае брак с ним поставит крест на вашей доле наследства. Вы меня понимаете, мисс Лейтон? Одобрение опекуна является обязательным условием.

— Что?! Нет!!! Боже мой, Боже мой! Папа не мог так со мной поступить! Он знает, как я ненавижу поездки!

— Ну да, конечно! Он и умер только для того, чтобы создать тебе проблемы! — не выдержала Мэриан. — Пойми, он был уверен, что это случится еще не скоро, уже после того как ты обзаведешься мужем.

— Я с радостью поеду в Техас, — вставил Карл.

— Этого еще не хватало! — вспыхнула Аманда. — Вы что, не видите, как это меняет дело?

— Для меня ничего не изменилось. Я по-прежнему хочу на вас жениться.

Зная, чего ожидать, Мэриан попробовала вмешаться:

— Мистер Райан, вам сейчас лучше уйти. Это дело семейное, к тому же Аманда расстроена...

— Расстроена? — крикнула та. — Это слишком мягко сказано! А вы, Карл, и в самом деле идите домой. Единственная причина, по которой я могла за вас выйти, только что отпала!

Мэриан отвернулась, не желая видеть результат этих жестоких слов, но не настолько быстро, чтобы не заметить, как у бедняги Карла вытянулось лицо. А каким сияющим он вошел в комнату пару минут назад! Еще бы — ведь его заветное желание внезапно исполнилось. Бог знает почему, он и в самом деле хотел взять в жены эту бездушную куклу. Трудно сказать, сознавал ли он недостатки Аманды до этой минуты, но теперь они открылись ему во всей красе.

Провожая Карла взглядом, Мэриан думала: счастливчик, он даже не подозревает, какого ада избежал!

Глава 2

Это ранчо было маленьким по всем стандартам, а по техасским так и вовсе крохотным. Расположенное несколько к западу от Бразоса, оно охватывало не слишком крупный, но плодородный кусок земли и примерно четверть мили притока полноводной реки и именовалось «Желтая колючка». На его пастбищах паслось около тысячи голов скота. Могло бы пастись и больше, но хозяйева никогда не претендовали на звание «королей скотоводства».

Теперь здесь осталась одна хозяйка. После смерти мужа Рыжая научилась неплохо управляться с делами, однако нельзя сказать, чтобы ранчо процветало. Одно-го хозяйского рвения мало, нужны еще опытные ковбои, а вот их-то как раз и не хватало.

В последнее время Рыжая подумывала махнуть на все рукой и избавиться от ранчо. После смерти хозяина большая часть работников взяла расчет и перебралась к тому, кто побогаче, и как она ни пыталась, найти стоящей замены им так и не удалось. Наниматься приходила одна зеленая молодежь — бродяги с востока, что слоняются с места на место в поисках непыльной работенки. Часть их ничего не смыслила в делах ранчо, остальные толь-

ко тем и занимались, что били баклуши. Рыжая выбивалась из сил, стараясь втолковать азы этой разношерстной братии, но без особого успеха. Молодежь звала ее «мамашей», да и видела в ней что-то вроде второй матери, и хотя держалась уважительно, пропускала объяснения мимо ушей. Вполне возможно, им все заслоняла одна простенькая мысль: женщина, что с нее взять!

Рыжая уже была на грани того, чтобы дать объявление о продаже, когда на помощь явился Чад Кинкейд.

Она знала этого парня тысячу лет — это был единственный сын того самого «хозяина побогаче», что претендовал на титул скотопромышленного магната. Ранчо Стюарта Кинкейда славилось как самое крупное в округе, но он никогда не упускал случая еще немного расширить границы. Уж он-то первым постучался бы в дверь Рыжей, пройди только слух, что она собирается расстаться с «Желтой колючкой». К счастью, она еще только прикидывала, как за это взяться, если ничего другого не останется, и не заикалась о своих планах ни одной живой душе. С появлением Чада положение дел изменилось так резко, что Рыжая истово благодарила судьбу за особенно яростную грозу, из-за которой ему пришлось искать пристанища у нее на ранчо.

Было это три месяца назад. Зима почти кончилась, и вдруг разразилась непогода — да еще какая! Так уж вышло, что в тот самый день Чад сильно повздорил с отцом и ушел из дому, хлопнув дверью. Буря пригнала его к дверям Рыжей и так свирепствовала, что пришлось остаться на ночь. От природы наблюдательный, Чад быстро сообразил, что дела здесь не ладятся, и на другой день за завтраком вынудил хозяйку признать, что она выбивается из сил.

У Рыжей и в мыслях не было, что он вызовется помочь, но когда это случилось, приняла помощь с благодарностью. При всех своих недостатках Стюарт Кинкейд сумел вырастить отличного сына.

Будь Рыжая помоложе лет эдак на двадцать, она, быть может, влюбилась бы в Чада без памяти за одно то, что

он для нее сделал. Но, во-первых, она годилась ему разве что в матери, а во-вторых, втайне любила его отца. Любовь, о которой не подозревал никто в целом свете, возникла в тот самый день, когда Стюарт Кинкейд заехал познакомиться с новыми соседями и одолжил им сотню голов скота, чтобы помочь встать на ноги.

Это был самый красивый мужчина, которого только довелось видеть Рыжей, а в тот день он еще и держался вполне дружески. Это позволило ему змеей вползти в какой-то уголок сердца, и там он оставался все эти годы. Ни он сам, ни покойный муж Рыжей не имели об этом ни малейшего понятия, и хотя жена Стюарта давно-давно отошла в лучший мир, а не так давно овдовела и сама Рыжая, она ничего не собиралась менять в положении вещей. Не ей было заглядываться на этого высокого техасца. Он был слишком хорош для нее: богатый, все еще красивый, с сильным характером — мужчина из тех, что шутя покоряют любую, а Рыжая казалась себе всего лишь мышкой, если не серой, то рыжей. Ей и в молодости не удавалось кружить мужчинам головы, куда уж там в сорок лет!

Надо признать, Чад во многих отношениях пошел в отца, но хотя и отличался той же чисто мужской красотой, сердцеedom не был и, судя по всему, не находил в этом удовольствия. Горячий, но отходчивый, упрямый, но рассудительный, это был человек, на которого можно положиться, человек слова, который пройдет огонь и воду, лишь бы выполнить задуманное. Но самое главное, он с детства усвоил назубок все премудрости жизни и работы на ранчо. Единственный сын и наследник величайшего ранчero в округе, Чад в считанные дни вышколил желторотых птенцов Рыжей так, что дело пошло полным ходом. Он знал, когда похвалить, а когда выбрать, и умел подогреть чувство здорового соперничества. Вот у него эти юнцы готовы были учиться всегда и всему. Они внимали ему с открытым ртом и наперегонки бросались выполнять поручение.

Чад был ковбоем от Бога. Он словно родился с пониманием этого ремесла, оно было у него в крови. Вообще говоря, ему следовало бы завести свое собственное ранчо, но это могло привести к окончательному разрыву с отцом. Рыжая и не думала, что это всерьез входит в его намерения. Чад доказал свое, когда ушел из дому, и теперь выжидал, давая отцу время поразмыслить над ситуацией и принять его точку зрения.

Рыжая трезво смотрела на вещи. Три месяца — срок немалый. Чад скоро покинет ее: он либо уедет из этих мест, либо вернется домой и уладит отношения с отцом. Рыжая надеялась, что его уход не остановит хорошо смазанный механизм, в который превратилось ее ранчо. Самый старший из работников, Лонни, вполне мог бы занять его место, но ему не помешало бы еще два-три месяца хорошей тренировки. День за днем ей оставалось только гадать, пробудет ли Чад в «Желтой колючке» необходимое для этого время.

Может быть, и задержится. На прошлой неделе Рыжая подвернула ногу, не слишком серьезно, но упорно делала вид, что вывих сильно затрудняет ей жизнь. Чад волновался за нее, и это придавало ей уверенности, что чудо-помощник задержится по крайней мере на какое-то время.

Глава 3

В этот день после ужина Рыжая подсела к Чаду на ступеньку крыльца, чтобы немного полюбоваться заходом солнца. Крыльцо было основательным, широким, да и весь дом был сработан на славу — когда-то муж Рыжей не пожалел усилий, обустриваясь на новом месте. Уроженцы восточной части страны, они привыкли к определенному уровню комфорта.

Уже через несколько лет после переезда дом обзавелся вторым этажом, где предполагалось разместить целую ораву ребятишек. Рыжая до сих пор не знала, кто из них

двоих был виноват в том, что это осталось мечтой. Бог свидетель, они честно старались. С годами она привыкла утешать себя тем, что пути Господни неисповедимы.

Из-за угла (от домика, где жили ковбои) доносились негромкие мелодичные аккорды гитары. Парнишка по имени Руфус знал в гитаре толк, и это давно уже стало чем-то вроде ритуала — заканчивать рабочий день песнями под гитару. Рыжая всегда слушала их издали, поскольку, строго соблюдая приличия, сторонилась чисто мужской компании.

Чад, хотя и занимал койку рядом с другими, столовался в хозяйском доме, но никто не находил это странным, ведь он и сам был почти что владельцем ранчо. Никто не смотрел косо и на то, что вечерами он просиживал с Рыжей на ступеньках крыльца.

Это были своеобразные посиделки. Нередко за целый вечер между Чадам и Рыжей не бывало сказано ни слова. Жизнь на ранчо катилась ровно, работа шла гладко, поэтому то небольшое, что требовалось обсудить, обсуждалось за ужином, а вечер был для тихого созерцания и раздумий.

Вот и на этот раз Рыжая намеревалась провести время в молчании, но сдвинутые брови Чада и направление его взгляда подсказали ей, о чем он думает. Об отце. Она и сама частенько вспоминала Стюарта и задавалась вопросом, известно ли ему, что сын обосновался в «Желтой колючке». Еще в самом начале работники получили приказ никогда не упоминать об этом в городке, сколько бы ни было выпито спиртного, но можно ведь проболтаться и ненароком, даже не заметив этого. К тому же поговаривали, что Стюарт пустил по следу сына лучших сыщиков штата.

Впрочем, и следа-то как такового не было — буря постаралась на славу. Никто не подозревал, что Чад Кинкейд пустил корни так близко от дома (по техасским понятиям, дверь в дверь), и уж тем более это не приходило в голову Стюарту. Но если Чад стал скучать по родному